УДК 82.091

Р. Г. Житко
преподаватель каф. русского языка как иностранного
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы
e-mail: romanzhitko92@gmail.com

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ДУАЛИЗМ КАТЕГОРИИ *НИЧТО* В ЛИТЕРАТУРЕ МОДЕРНИЗМА

В качестве материала исследования избраны поэтические и прозаические тексты литературы модернизма, наиболее ярко отражающие аксиологическую специфику категории Ничто. Выявлены причины актуализации интереса к осмыслению феномена Ничто в эпоху модернизма как переходного, рубежного периода в развитии культуры и искусства, а также философской и общественной мысли. Ценностная специфика категории Ничто в образном, мотивном и сюжетном поле модернистских текстов охарактеризована в философском, социологическом, религиозном аспектах. Определена и систематизирована совокупность художественных средств, отражающих аксиологический дуализм Ничто. Охарактеризована роль дуальной в ценностном отношении категории Ничто в модернистской картине мира, структурированной по логике архетипических бинарных противопоставлений.

Введение

Модернистская эстетика и поэтика, утверждая и онтологизируя в тексте категорию Ничто, сталкивается с проблемой ее ценностной природы. Дуальная онтологическая специфика Ничто (выраженная в архетипических бинарных оппозициях) означает, что в нем сочетаются черты *бытия* и *небытия*. Понимание данной категории в качестве ключевого понятия, связанного со сферой Трансцендентного, определяет модернистскую ценностную парадигму: выход за пределы обыденной реальности, соприкосновение с высшим бытием становится смыслом человеческой жизни. Утверждение Ничто как основы ценностного отношения к миру означает стремление модернистов к спасению человека, спасению культуры. Так, К. Г. Исупов констатирует, что одной из основополагающих проблем, поставленных русским Серебряным веком, становится вопрос о спасении культуры как таковой [12, с. 65]. Ощущение приближения конца мира, конца культуры и искусства потребовало от модернистов построения и утверждения широкой системы аксиологических параметров, отражающих противоречие между наличествующим и долженствующим, ложным и истинным, а также между подлинными и мнимыми ценностями эпохи. При этом модернизм ставит под сомнение наличие объективных, неоспоримых, вечных, высших ценностей, связанных с сакральной сферой бытия, составляющей основу модернистской художественной философии.

Целью исследования является выявление и характеристика дуальной аксиологической природы категории Ничто в модернистской литературе; для достижения этого решаются следующие задачи:

1) охарактеризовать ключевые аксиологические особенности категории Ничто в модернистских текстах;

2) проанализировать и систематизировать образы и мотивы, отражающие дуальную ценностную природу Ничто.

Основные аксиологические аспекты категории Ничто

Поэтико-семантическая неоднозначность категории Ничто, разработанная модернистской эстетикой, стала одним из ключевых факторов формирования ценностной системы в художественной картине мира. Оге А. Ханзен-Леве указывает на «оксюморонность» ценностной системы раннего русского модернизма, а в позднем обнаруживает амбивалентную/поливалентную аксиологическую комплексность [20, с. 78–79]. В первом

случае разрушается ценностная оппозиция жизнь/смерть, что провоцирует столкновение противоположных сфер бытия; во втором – осуществляется переход негативных в аксиологическом смысле категорий в сферу возвышенного.

В эпоху модернизма актуализируется социокультурный модус проблемы Ничто. Социально-политические, культурные, этноконфессиональные и другие противоречия рубежа веков (спровоцировавшие глубочайший и масштабнейший кризис гуманизма и антропоцентризма, в широком смысле – всесторонний кризис европейской цивилизации, отразившийся на всем человечестве в целом) вызвали у мыслителей и деятелей искусства ощущение утраты традиционного ценностного отношения к миру и человеку в нем. В общественной жизни происходит утрата ключевых ценностей (либо подмена их антиценностями); на смену религиозному и философскому модусам ценностного отношения к миру приходит рационально-логическая и идеолого-прагматическая парадигма, что вызывает у авторов-модернистов (за исключением, очевидно, представителей футуризма) реакцию неприятия и противоречия. Модернизм, будучи сложным, многоплановым явлением, которое «с превеликим трудом укладывается в те или иные схемы и понятия» [22], тем не менее, стремится к ценностной системности. Идея спасения культуры актуализирует архетипическое Ничто как символ традиционного дуального аксиологического отношения к бытию и человеку. Также М. Д. Пономаренко отмечает, что «антропологическое начало заставляет литературу тесно взаимодействовать с различными областями гуманитарного знания в стремлении обогатить художественно-философский потенциал произведения необходимым философско-аналитическим содержанием» [16].

При этом сакральная роль Ничто/Пустоты сочетается с ее обратной, «демонической», потусторонней сущностью. Так, в стихотворении М. Волошина «Петроград» (1917), посвященном изображению и философскому осмыслению смуты и бесчинств эпохи, «злого колдовства», которое «распахивает дверь разрух», из-за чего *Сквозь пустоту державной воли, / Когда-то собранной Петром, / Вся нежить хлынула в сей дом / И на зияющем престоле, / Над зыбким мороком болот / Бесовский правит хоровод* [8], антитеза пространства метафорического «дома» и пространства внешней «стихии», наполненного демоническими силами, моделирует мир, где разрушается замкнутость локуса, его защищенность от враждебных сил, существующих за его пределами; «дом» оказывается неспособным уберечь заключенные в нем священные ценности от безумия эпохи. Облик эпохи, осмысленный в гротескном ключе, приобретает «потусторонние» черты.

Подобно этому, в романе А. Белого «Петербург» пустота становится символом роковой неопределенности будущего на фоне хаотического настоящего: «*Ты, Россия, как конь! В темноту, в пустоту занеслись два передних копыта*; *и крепко внедрились в гранитную почву – два задних*» [3]. Л. К. Долгополов отмечает, что «Медный всадник является воплощением Петербурга, а сам Петербург – символом России и выражением ее исторической трагедии» [10]. Разрушение мира/миропорядка, изображенное в «Петербурге», во многом обусловлено характером эпохи. Хаос и безумие рубежа эпох, а также революционное смятение опустошают бытие. Как отмечает Л. К. Долгополов, «учет и регламентация страшат Белого так же, как анархия и терроризм. И там и здесь видит он отрицание, нигилизм, “Всеобщее Ничто”. В своем отвлеченном и субъективно-мистическом восприятии реальной истории он сводит все многообразие действительности к этим двум сферам, только и являющимся, по его мнению, реальными сферами проявления исторических сил. Кроме них, он не видит ничего, на них же он смотрит с неподдельным ужасом» [10]. Сакральное Ничто в форме пустоты «вторгается» в историческую реальность, ломая бытие и сталкивая его с небытием.

С другой стороны, ощущение онтологического и аксиологического вакуума, обрушения мира в бесконечный океан Небытия, свойственное модернистской парадигме, отражено в стихотворении Г. Иванова «Хорошо» [11]. Данный текст, по замечанию В. С. Севастьяновой, иллюстрирует мысль А. Блока о современниках, которые утратили, «идя путями томления, сначала Бога, потом мир, наконец – самих себя» [17]. Поэт изображает «эпоху отрицания» в форме философской рефлексии, постепенно восходя от масштабов человеческого мира к бесконечности космоса: «*Хорошо, что нет Царя. / Хорошо, что нет России. / Хорошо, что Бога нет. / Только желтая заря, / Только звезды ледяные, / Только миллионы лет»* [11]. На рубеже времен трансформируется картина мира, он перестает быть понятным, и на месте его утраченного «облика» зияет пустота; лирический герой с эсхатологическим отчаянием констатирует ее почти абсолютную власть. Омертвение и затемнение вселенной видится лирическому герою неизбежным и даже естественным процессом: «*Хорошо – что никого, / Хорошо – что ничего, / Так черно и так мертво, / Что мертвее быть не может / И чернее не бывать…»* [11]. Все в мироздании будто бы оборачивается своей изнанкой, жизнь становится смертью, предмет превращается в Ничто: распад живого, одушевленного и одухотворенного бытия продолжается до практически полного исчезновения предмета, до его *падения в Бездну*, то есть в Ничто [17]. Нетворящая, холодная, навечно застывшая пустыня-пустота в данном случае олицетворяет достижение предела бытия, которое ощущается как несуществование.

Попытки «*преодоления*» пустоты свидетельствуют о стремлении модернизма к доминированию жизни/творения над смертью/разрушением [1]. При этом художественное философствование развивается по индуктивному методу, т. е. «изучением онтологического вопроса посредством движения от частного внутреннего мира субъекта к “вечным” вопросам, стоящим перед цивилизацией» [16]. Небытие, однако, представляется огромной, грозной, мистической силой, надвигающейся на мир и угрожающей всему живому: «*Разъята надо мною пасть / Небытием слепым, безгрезным. / Она свою немую власть / Низводит в душу током грозным»* [3]. Трагическое переживание поглощения небытием бытия порой настолько пронизывает текст, что проецируемая им пустота разрастается до вселенского масштаба, приобретает черты метафизического доминирования над миром материальным: «Сужение пространства, вытеснение его пустотой, временем, небытием, воспринимается и описывается как апокалиптическое по сути своей действо, торжество “вычитания” – смерти» [6]. Модернистский мотив преломления, старения и умирания мира (уход в материальное небытие в связи с естественным ходом времени) в поэтике И. Бродского проявляется следующим образом: «Помимо страха смерти, старение еще и “грозит” превращением в вещь, которая является сама по себе лишь сгустком материи, лишенная ощущений и чувств, свойственных человеку. Но в перспективе у лирического героя нет надежды войти “в землю плодоносную”, его пустыня остается “бесплодной землей”: «*жизнь, отступая, бросает нам / полые формы, и нас язвит / их нестерпимый вид*» [5]. Опустошение бытия, его оскудение привносит в жизнь лирического героя ощущение одиночества в обезличенном мире: «Отчуждение, анонимность, рожденные пустотой, оказываются парадоксальной и универсальной формой связи между лирическим героем и другими людьми, в пределе – всем миром. “*Ниоткуда, с любовью, надцатого мартобря, / дорогой, уважаемый, милая, но не важно / даже кто, ибо черт лица, говоря / откровенно, не вспомнить уже...*” – этим апофеозом безличности, размытости лица, пространства, времени, сообщаемых пустотой, начинается одно из самых проникновенных стихотворений Бродского» [14].

Ценностная амбивалентность Ничто

Модернистское философствование о ценности человеческой жизни упирается как в проблему опустошения внешнего мира, так и в проблему *смертности*, «падения в пустоту». При этом метафорически герой нередко утрачивает телесную целостность, превращается в процессе старения в «обломок», камень, статую. С другой стороны, за пределами биографического времени, в контексте истории «камень» разрушается, под воздействием времени превращаясь в «руину». «Римские элегии» Иосифа Бродского, таким образом, предстают в виде своеобразных «элегических медитаций о бренности земного бытия» [4]. Рим как центр цивилизации постепенно разрушается, уступая природе под давлением времени; это означает наступление новых времен и новой жизни для того, что принесет с собой будущее. В противовес этому наступление Нового года в «Рождественском романсе» порождает у лирического героя чувство необъяснимой тоски, «*как будто жизнь начнется снова, / как будто будет свет и слава, / удачный день и вдоволь хлеба*» [5]. Жизнь, совершившая полный круг, подходит к своему завершению и очередному рубежу: поэтика актуализирует противоречащие друг другу мотивы утраты/исчезновения и возрождения/обновления. «У Бродского образы пепла, руин и даже падали – последних форм разрушения жизни – оказываются одновременно метафорами нетленного духовного свершения и максимальной свободы. По Бродскому, способность человека принять, не прячась, вместить в сознание мрак смерти, боль утрат, боль вообще как то, из чего сделана жизнь, как ее существо есть единственный способ преодоления мрака и боли. Повторяющийся ход поэтической логики Бродского – максимальное погружение в мрак и безнадежность, в абсурд и хаос, последовательное обживание и интеллектуальное освоение этих экзистенциальных антимиров, которое поразительным, иррациональным образом выводит к свету и чувству гармонии с мирозданием» [14].

Как отмечает А. Генис, «миф – это карта бытия, дающая каждому ответы на все вопросы. Мир, истолкованный мифом, можно охватить мысленным взором, его можно понять, в нем можно жить. Лишить культуру мифа означает оставить людей без общего языка, обречь на рознь и самоуничтожение» [9]. В контексте модернистского мира, амбивалентного по своей природе, Ничто/Пустота также проявляет себя амбивалентным началом, отсылающим к явлениям с противоположной коннотацией, в том числе к смысловой паре «ценность – антиценность», противоположные элементы которой в аксиологическом смысле принадлежат к сферам *бытия* и *небытия*. При этом на фоне непознаваемости высших сфер снижается значимость сферы обыденного. Признание существования высшего мира, более совершенного (непостижимого и сакрального) бытия отчасти сообщает тщетность реальной жизни, указывая на ее абсурдную ограниченность в масштабах универсума (как во временном, так и в пространственном смысле). Так, осмысление тленности материального мира, мимолетности скоротечной жизни у О. Мандельштама отражено в строках: «*По губам меня помажет / Пустота, / Строгий кукиш мне покажет / Нищета. // Ой ли, так ли, дуй ли, вей ли – / Все равно; / Ангел Мэри, пей коктейли, / Дуй вино*» [15, с. 200]. Здесь пустота превращается в «антипод красоты, она не только безóбразна, но и безобрáзна» [13]. Ироническое снижение важности вечных ценностей достигается здесь при помощи нарочито легкомысленного стиля; лирический герой осознает тленность и мимолетность всего в мире, видит тщетность материального бытия, осмысляет неизбежность умирания, сущность и ценностная природа которого становится для него еще одним неразрешимым вечным вопросом.

В модернистской концепции Ничто развивается также религиозный (христианский) аспект, отождествляющий данную категорию с Вечностью. Так, М. Цветаева отрицает всевластие смерти, однако ощущение незримого присутствия рядом с нами тех, кто покинул этот мир, все равно представляет собой «*письмо в бесконечность. – /*

Письмо в беспредельность. – / Письмо в пустоту» [20]. Сакральная, мистическая роль пустоты подчеркивается и в стихотворении «Иоанн» (1917): «*Умилительное бессилье! / Блаженная пустота! / Иоанна руки, как крылья, / Висят по плечам Христа*» [20]. Пустота понимается здесь в религиозном аспекте – как метафора смиренности и умиротворения, олицетворяет собой своеобразное созерцательное начало, безграничное пространство духовной жизни, бытие бессмертной души. Мотив божественности, *сакральности* творчества впоследствии развивается у Иосифа Бродского, который обращается к образу «буквы кириллицы», заполняющей черным цветом белую пустоту. Священное слово творца нетленно, поэтому будет «*чернеть на белом, / покуда белое есть, и после*» [5]. При этом актуализируется не *звучащее* слово, а *написанное*, поскольку «визуальный модус восприятия мира у Бродского проявляется в специфике его творческого процесса и в понимании творческого процесса» [2]. Язык как таковой и поэтический язык в частности (и язык искусства вообще) представляется еще одним «божеством» в художественном мире И. Бродского; категория «обожествленного» Слова занимает значительное место. «Бродский возлагает ответственность за наполнение пустоты на человека – и боги возникают как материализация этой ответственности» [14]. Образ *свечи*, сопутствующей Творчеству, приобретает символическое, возвышенно-сакральное значение: «*Бейся, свечной язычок, над пустой страницей, / трепещи, пригинаем выдохом углекислым, / следуй – не приближаясь! – за вереницей / литер, стоящих в очередях за смыслом»* [4]. Мотив *творения из пустоты* связан с ощущением причастности человека к вечности, к *Бытию*, лежащему за пределами быта; строки «*О, сколько света дают ночами / сливающиеся с темнотой чернила!*» развивают данный мотив, указывая на ценностную основу архетипической оппозиции *свет – тьма* [4].

В модернистской эстетике воплощаются, таким образом, оба ценностных аспекта пустоты: «позитивный» (ощущение сиюминутного бытия) и «негативный» (опустошение, «обнуление»); формируется дуалистическая ценностная парадигма модернистской концепции мира. Совокупность актуализированных мотивов, образов и концептов можно классифицировать следующим образом:

1) «отрицательный» аспект коннотации (семантика *утраты прошлого*): *тишина, одиночество, недостача, неведение, умирание, исчезновение, холод, уничтожение, небытие, потусторонний мир*;

2) «положительный» аспект коннотации (семантика *создания нового*): *надежда, бессмертие, потенциал, заполнение, возникновение, творение, свобода, вечность, Бог.*

В представленной системе мотивов и концептов прослеживается модернистское видение Ничто/Пустоты, которую характеризует «ужас перед бытием, жажда уничтожения; любовь к жизни, ненависть к пустоте» [18, с. 117–118]. Категория пустоты укрепляет свою взаимосвязь с категорией времени, порождая соответствующие семантические связи. С одной стороны, пустоте сопутствуют разрушительные силы, связанные с исчезновением вещи/человека; с другой – пустота дает простор для творения и заполнения в будущем, что предполагает потенциальную работу времени над воссозданием мира, его возрождением. Данное противоречие выявляет неоднозначный характер пустоты в амках той динамики, которая сообщается ей временем. Особенно важен аспект «рубежного» значения пустоты; данное явление конструируется широкой системой взаимосвязанных мотивов. По утверждению А. Ю. Ветлугиной, это явление, в сущности, восходит к архетипическим оппозициям «*жизнь – смерть*», «*прошлое – настоящее*», «*вещь – пробел*», «*ад – рай*»; точно так же и пустота распадается на «отрицательное» и «положительное» [7]. Негативный ее компонент связан с мотивом бренности, утраты, ностальгии, недостачи, позитивный – с предвосхищением нового, надеждой, ощущением потенциала и мотивом свободы творения. Расхождение коннотации пустоты на «плюс»

и «минус» дает возможность смоделировать специфику ее взаимосвязи со временем и его ролью в жизни мироздания и человека.

Очевидно, что модернистская пустота, с одной стороны, предстает разрушительной, губительной силой, создавая мотив уничтожения материального мира вместе со всем его наполнением. С другой стороны, пустота становится фактором «самовосстановления» мира, условием творения. Ранняя модернистская поэтика более тяготеет к изображению отрицательной стороны коннотации пустоты, а более поздняя – к положительной. Таким образом, ценностная природа модернистской категории Ничто/Пустота тесно взаимосвязана с осмыслением бытия в аспекте времени и пространства. Наблюдается определенный аксиологический параллелизм этих явлений: время, как и пустота, представляется неоднозначным по своей природе. Так, модернистское время в ценностном смысле становится дуальным: оно в равной мере предстает силой как разрушительной (гибельной, холодной, враждебной, чуждой, уничтожающей), так и гармонично-созидающей (дающей истинную полноту бытия, залог творения жизни). В первом случае время становится «синонимом горя», добавляя в свою структуру мотивы болезни, старения, страдания, трагической обреченности, смерти. Во втором аспекте время воплощает креационную силу, а также полноту сиюминутного бытия; также актуализируется мотив творчества как борьбы против умирания.

Заключение

Категория Ничто представляет собой своеобразный аксиологический ключ модернистской эстетики. Модернизм как историко-культурный период характеризуется переосмыслением множества основополагающих идей европейского сознания, в результате чего проблема не-бытия становится одной из центральных и отражается в базисных бинарных оппозициях «*нечто – Ничто*», «*предмет – пустота*», «*жизнь – смерть*», «*свет – тьма*», «*день – ночь*», «*твердь – бездна*». Представляется возможным говорить о наличии общих принципов отражения пустоты и Ничто в модернистской литературе, так или иначе проявляющих себя в поэтике авторов, чьи творческие взгляды и устремления порой могут значительно разниться. Культура модернизма начинает активное художественное осмысление Ничто (образной проекцией которого становится категория пустоты), помещая его в центр своего мировосприятия и поэтики; влияние на это оказывают также различные философские и мистические концепции, исследующие данную категорию. Стремясь воплотить пустоту в своих произведениях, писатели формируют широкую систему образов и мотивов: если в начале XX в. в поэтике пустоты преобладает образность, связанная с ее негативной коннотацией, то в дальнейшем все больше актуализируется и развивается ее противоположный смысловой компонент, что в конечном счете уравновешивает всю образно-мотивную систему Ничто/Пустоты. Антитеза «положительного» и «отрицательного» полюсов этой системы отсылает к универсальной мифологеме о рубежной роли Ничто/Пустоты в бесконечном мироздании. Данной мифологеме сопутствует мотив творения мира из небытия и его финального возвращения в Ничто (вследствие чего модернистская поэтика разрабатывает систему различных образов опосредованного воплощения пустоты). «Опредмечивая», овеществляя сакральное Ничто, поэтика модернизма постепенно разрабатывает целостную систему образов и мотивов, связанных с воплощением данной категории. Эта система, существуя по принципу бинарных оппозиций, задает ценностную и семантическую структуру художественной действительности, моделирует и упорядочивает изображаемое бытие. Этим обеспечивается аксиологическое единство изображаемого, построение целостной смысловой иерархии, гармонизация художественной реальности. Вдобавок к этому модернистское видение Ничто/Пустоты оказывается неотделимым от художественно-

онтологического осмысления категории времени, которое также получает неоднозначную коннотацию, становясь дуальной творящей и уничтожающей силой.

Результаты данного исследования могут быть использованы при подготовке материалов для практических и лекционных занятий по дисциплинам, характеризующим литературный процесс рубежа XIX–XX вв. в аспекте теоретической и исторической поэтики, а также основные особенности и закономерности развития модернистской литературы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдейчик, Л. Л. Культурный синтез в поэзии В. С. Соловьева [Электронный ресурс] / Л. Л. Авдейчик. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/artic-le/n/kulturnyy-sintez-v-poezii-v-s-solovieva. – Дата доступа: 29.08.2019.

2. Автухович, Т. Е. Иосиф Бродский и живопись [Электронный ресурс] / Т. Е. Автухович. – Режим доступа: http://www.lib.grsu.by/library/data/resources/catalog/1-51525-345198.pdf. – Дата доступа: 26.08.2019.

3. Белый, А. Собрание сочинений [Электронный ресурс] : в 2 т. – Т. 2 / А. Белый. – Режим доступа: https://fantlab.ru/edition163634. – Дата доступа: 22.08.2019.

4. Бродский, И. А. Римские элегии [Электронный ресурс] / И. А. Бродский. – Режим доступа: http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=7751. – Дата доступа: 10.09.2019.

5. Бродский, И. А. Стихотворения и поэмы [Электронный ресурс] / И. А. Бродский. – Режим доступа: http://iosif-brodskiy.ru/stikhotvoreniia-i-poemy.html. – Дата доступа: 25.04.2018.

6. Ваншенкина, Е. В. Пространство и время в лирике Бродского [Электронный ресурс] / Е. В. Ваншенкина. – Режим доступа: http://www.licey.net/lit/trad/brodTime. – Дата доступа: 15.09.2019.

7. Ветлугина, А. Ю. Нестандартное использование ономастических единиц в поэтических текстах И. Бродского [Электронный ресурс] / А. Ю. Ветлугина. – Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~smu/work/science-day/2010/24-23.pdf. – Дата доступа: 21.08.2019.

8. Волошин, М. А. Полное собрание сочинений [Электронный ресурс] / М. А. Волошин. – Режим доступа: http://royallib.com/book/voloshin_maksimilian/polnoe_sobranie_stihotvoreniy.html. – Дата доступа: 22.08.2019.

9. Генис, А. А. Модернизм как стиль XX века [Электронный ресурс] / А. А. Генис. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/zvezda/2000/11/genis.html. – Дата доступа: 15.09.2019.

10. Долгополов, Л. К. Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого «Петербург» [Электронный ресурс] / Л. К. Долгополов. – Режим доступа: http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_0050.shtml. – Дата доступа: 02.09.2019.

11. Иванов, Г. В. Стихотворения (Полное собрание стихотворений) [Электронный ресурс] / Г. В. Иванов. – Режим доступа: http://www.lib.ru/RUSSLIT/IWANOWG/stihi.txt. – Дата доступа: 08.09.2019.

12. Исупов, К. Г. Символизм и герменевтика / К. Г. Исупов // Opuscula Slavica Sedlensia. – Sedlce, 2012. – T. I. – 98 с.

13. Копировский, А. М. По губам меня помажет пустота... [Электронный ресурс] / А. М. Копировский. – Режим доступа: https://stolcom.livejournal.com/100851.html. – Дата доступа: 11.09.2019.

14. Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература. 1950-е – 1990-е годы. [Электронный ресурс] / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – Режим доступа: https://studfiles.net/preview/5991035/. – Дата доступа: 03.09.2019.

15. Мандельштам, О. Э. Стихотворения / О. Э. Мандельштам. – М. : ЭКСМО, 2007. – 384 с.

16. Пономаренко, М. Д. Специфика эпохи модернизма в антропоцентрическом контексте [Электронный ресурс] / М. Д. Пономаренко. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-epohi-modernizma-v-antropotsentricheskom-kontekste. – Дата доступа: 22.08.2019.

17. Севастьянова, В. С. «Весь ужас переставшей пустоты...»: трагедия творения в художественном пространстве русской поэзии 1920-х гг. [Электронный ресурс] / В. С. Севастьянова. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ves-uzhas-perestav-shey-pustoty-tragediya-tvoreniya-v-hudozhestvennom-prostranstve-russkoy-poezii-1920-h-gg. – Дата доступа: 20.08.2019.

18. Севастьянова, В. С. «Качая мглой, встает ничто...» (О проблеме не-бытия в поэзии русского модернизма и в литературоведческом дискурсе) / В. С. Севастьянова // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – 2011. – Вып. 61, № 37 (252). – С. 109–118.

19. Скрипова, О. А. Поэтика предельности в «Поэме конца» Марины Цветаевой [Электронный ресурс] / О. А. Скрипова. – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/poetika-predelnosti-v-poeme-kontsa-mariny-tsvetaevoy. – Дата доступа: 22.08.2019.

20. Ханзен-Леве, Оге А. Интермедиальность в русской культуре. От символизма к авангарду / Оге А. Ханзен-Леве ; пер. с нем. Б. Скуратова, Е. Смотрицкого. – М. : РГГУ, 2016, – 450 с.

21. Цветаева, М. И. Собрание сочинений [Электронный ресурс] / М. И. Цветаева. – Режим доступа: http://www.rulit.me/series/m-cvetaeva-sobranie-sochinenij-v-semi-tomah. – Дата доступа: 19.09.2019.

22. Шепетис, Л. От жизни – в ничто (Модернизм – что это такое?) [Электронный ресурс] / Л. Шепетис. – Режим доступа: https://www.twirpx.com/file/2314984/. – Дата доступа: 13.09.2019.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 07.10.2019

Zhitko R. **G. Axiological Dualism of the Nothingness Category in Modernism Literature**

The article is devoted to the study of the problem of the ambivalent value nature of the artistic and philosophical Nothingness category in the works of modernist literature. As the material of the study, poetic and prose texts of the literature of modernism, which most vividly reflect the problem of the axiological specificity of the Nothingness category, were chosen. The problem of actualizing of the interest in understanding the phenomenon of Nothingness in the modernism era as a transitional, milestone period in the development of culture and art, as well as philosophical and social thought, is substantiated. Value specifics of the Nothingness category in the figurative, motivational and plot field of modernist texts is characterized in a philosophical, sociological, religious aspects. The set of artistic means reflecting the axiological dualism of Nothingness is defined and systematized. The role of the value-dual Nothingness category in the modernist worldview structured according to the logic of archetypal binary oppositions is characterized.